

В СПЕКТАКЛЕ Театра сатиры «Интервенция» Андрею Миронову достался Селестен — роль большая и заманчивая. В те дни он играл уже Дон Жуана, Присыпкина в «Клопе», Сильвестра в «Проделках Скапена» и другие роли. Было много интересной работы. И все же... Однажды он вместе с товарищем показал постановщику «Интервенции» В. Плучеку самостоятельно сделанную интермедию — дуэт одесских куплетистов, смешной, трогательный и предельно достоверный.

Плучеку ничего не оставалось, как включить этот «вставной номер» в спектакль.

А еще через несколько дней Миронов продемонстрировал своего Жюльена папа, пожилого, изрядно потрепанного французского шансонье, который попал в Одессу девятнадцатого года на «пир во время чумы» и поет, поет все ту же песенку про любовь... В программе «Интервенции» появилась еще одна, не предусмотренная автором, роль.

— Вообще я за соавторство актера и режиссера, но при наличии ясной режиссерской концепции, — говорит Андрей Миронов. — Артист не может быть бездумным исполнителем... Гармония наступает тогда, когда замыслы режиссера и актера совпадают. Тогда начинается совместное творчество, взаимное обогащение. Так было у нас с Марком Захаровым во время работы над «Дон Жуаном».

Творческая активность. Это, наверное, одно из самых важных качеств Андрея Миронова. Как можно полнее выразить себя, поделиться со зрителем, подарить

● Творческий портрет

ЗРЕЛОСТЬ ТАЛАНТА

ему все, о чем думаешь, что понял, что умеешь...

Вот Миронов — Жадов («Доходное место» Островского) подходит к рампе и обращает свой горький, выстраданный монолог к нам, зрителям. И мы как бы становимся участниками спектакля. Нам близка эта боль. Мы понимаем: Жадов нам верит, он обращается к нам, как к друзьям в трудную минуту, — надо же с кем-то поделиться, нельзя же так мучиться одному!.. И мы сопереживаем, волнуемся — мы верим актеру так же, как он верит нам.

Умение быстро, мгновенно установить контакт со зрительным залом присуще Миронову в высочайшей степени. Последняя его работа — «легкий кавалерист» Велосипедкин («Баня» Маяковского). В третьей картине он, прорываясь к Победоносикову, лихо вскакивает на сцену из зрительного зала, успев по дороге перемигнуться с какой-то девушкой, бросить знакомому: «Здорово, Костя!» И все уже поняли: это «свой», такой же, как мы, вроде бы наш полпред, которого мы, зрители, уполномочили не дать в обиду изобретателя Чудакова.

В роли Велосипедкина (исполненной, кстати сказать, почти экспромтом, с двух репетиций) ярко проявилось свойственное Миронову умение заострять и укрупнять

характер. Уж если «легкий кавалерист» быстр, у Миронова это вихрь! Если он зол на бюрократов, то Миронов играет так, что можно поверить: он действительно будет «жрать чиновников и выплевывать пуговицы».

Еще в большей степени эта способность Миронова к предельному заострению формы, владение сценическим гротеском проявились в роли Присыпкина («Клоп» Маяковского). Присыпкин — Миронов монументален. Это не просто мещанин от станка. Это символ глупого и самовлюбленного мещанства. Стоит вспомнить, как в сцене в общезнании он учится танцевать. Священнодействует! В полном сознании важности своей великой миссии.

Между прочим, и Присыпкин — срочный ввод. А роль отнюдь не легкая. И сыграл ее Миронов после большого мастера — В. Ленко. Миронову сейчас двадцать шесть, тогда было еще меньше. Откуда это все у юного актера — безукоризненное чувство ритма, точность каждой детали, балетная пластика? Талант? Да, конечно. Школа?

— На стене в моей комнате висит только один портрет. Это портрет Вахтангова. Мои учителя — Мансурова, Захава, Раппопорт, Борисов, Любимов — вахтанговцы. Но я старался учиться у всех, с кем стал-

На снимке: Андрей Миронов в роли Жадова («Доходное место» А. Н. Островского).

кивался, у книг, у мастеров прошлого, у своих товарищей. Ведь это процесс непроизвольный: артист впитывает в себя впечатления, ассоциации, образы и потом, в нужный момент, они являются из кладовой его эмоциональной памяти.

Для того, чтобы быть артистом, надо, по-моему, уметь радоваться жизни, находить эту радость во всем — в природе, в искусстве и, конечно, в первую очередь — в людях.

Итак, школа. Но не только это...

— Искусство актера мертво, если оно не одухотворено мыслью. Считаю необходимым после каждого спектакля побыть хотя бы пять минут наедине с собой, трезво оценить и взвесить, что и как сделал сегодня... Вообще стараюсь не терять чувства юмора по отношению к

себе, к своим возможностям... Для меня человек, довольный самим собой, никакого интереса не представляет...

После этих слов Миронова начинаешь лучше понимать «секреты» его быстрых взлетов...

Последние работы — это Дон Жуан, Жадов, Велосипедкин.

...Театральная Севилья в «эпоху красивых костюмов». Условный мир философской притчи Макса Фриша. Дон Жуан, несмотря на традиционные плащ и шпагу, удивительно похожий на молодого интеллектуала середины XX века. И его свобод-

ная и бесстрашная мысль, сметающая догмы, рвущаяся к истине.

— Играйте холодно и элегантно, — советовал актером Макс Фриш.

Нет, Миронов не последовал этому совету. В его Дон Жуане бушуют страсти. Ведь он еще и поэт, и жизнелюб, этот Дон Жуан. Но наступает на горло собственной песне. Во имя высшей цели. Во имя торжества разума.

— В ходе работы над «Дон Жуаном» я для себя придумал термин «эмоциональный рационализм». Мысль ДОЛЖНА вызвать эмоцию. Но нельзя взволновать зрителя, если сам не взволнован...

В спектакле две части. В первой Дон Жуан — бунтарь. Во второй... Забыта столь любимая им геометрия. «Севильскому обольстителю» хочется простого человеческого счастья. Капитуляция? А может быть, стремление к гармонии? Миронов и постановщик спектакля М. Захаров доверяют зрителю. Пусть подумает, разберется и, может быть, сделает выводы, полезные для себя самого...

В «Дон Жуане», а затем в «Доходном месте» Миронов предстал в новом качестве. Он уже не только умеет перевоплощаться и смешить. Теперь это актер, много думающий о назначении и целях своего искусства, актер, к которому рано пришла зрелость.

— Сначала мы звали его Андриюшей, — рассказывает главный режиссер Театра сатиры Валентин Плучек, — потом Андреем, а теперь он для нас — Андрей Александрович. Своими последними работами Миронов заставил относиться к себе как к зрелому мастеру.

Б. БВСЕЕВ.